

Сталинистка Уланова была косноязычна от страха...

Эти утверждения известного правозащитника Алексея Симонова опровергает наш обозреватель Инна Руденко, близко знавшая великую балерину

Автор статьи в журнале «Знамя» (справа) с отцом — писателем Константином Симоновым.

В журнале «Знамя», в шестом номере за этот год, опубликован «мемуар» — так сам автор определяет жанр своего произведения — «Галина Сергеевна: «Мир Улановой» и миф Улановой». Кинорежиссер-документалист Алексей Симонов, ныне более известный как глава Фонда защиты гласности, на этот раз предает гласности свои мемуары почти 20-летней давности, испытанные им при создании фильма о великой балерине.

Отчего «писала кипятком» сценаристка

Каждый, кто пытался хоть однажды рассказать об Улановой, казалось бы, должен разделить эти муки — так неудовольственно трудна была для воспроизведения натура. Видела Уланову на сцене, на занятиях с учениками, бывала у нее в доме, и она у меня, но каждый раз, садясь за белый лист бумаги, чтоб написать о ней, испытывала трепет неопита: как передать обычными словами магию ее танца и самой личности, всегда сквозящей танец просвечивающуюся?

Да что я, великие разводилю руками. Как-то Эйзенштейн попытался выразить ее танец в некоей графической схеме, а потом записал, словно развел в бессилии руками: «Она принадлежит к другому измерению». А как расскажешь о человеке другого измерения?

Но муки Алексея Симонова совсем иного рода. Оказавшись, цель при создании фильма он тогда поставил перед собой такую: «разрушить легенду под названием «Уланова». Зачем? Скажи: хотел создать не парадный портрет — рассказать о живом человеке. О маленькой и великой женщине. Но нет — именно «разрушить», это слово повторяется в мемуаре неоднократно, неудержимо высвечивая давно овладевшую нами страсть, от которой мы никак не можем избавиться: «ло основания, а затем...». Скольких уже похоронили в корабля современности с истинно большевистской приморильностью, хотя и зовем себя демократами!..

Воплоще демократические устремления, оказывается, движут и им, Симоновым. Дело не только в том, что он легенды не любил с молодости и его «воротило от одного из запахов». Дело в том, что «время Г.С. — сталинщина», и потому легенду под именем «Уланова» он ставит в один ряд с другими легендами советской истории: выстрелом «Авроры», оказавшимся холостым, 28 погибшими панфиловцами, часть которых ожила, ну и далее, сами понимаете, «мелина, великие стройки, БАМ». Эти, слава Богу, легенды уже развенчаны, пора приступать и к новой.

Но разрушить или хотя бы поколебать легенду «Уланова» Симонову, признается он, не удалось. На пути встал «заказчик» — это он так об Улановой. Галина Сергеевна, утверждает мемуарист, не говоря уж о ненавистной ему сценаристке, которая от восторга перед Улановой «писала кипятком», стеной встала против правды, отменяя все, «что не работало на легенду». И вот что, что не уда-

лось тогда, Симонов решил сделать сегодня, 20 лет спустя, когда ни сценаристки, ни самой Улановой нет уже в живых и мешать разоблачать уже некому. Похвальная смелость...

Зачем балерине чувство юмора

Какую же разоблачительную правду об Улановой повелал нам мемуарист? Первое: у Улановой, оказывается, не было... чувства юмора. Не смеетесь — лезать, велика ли беда? Это тяжелое по нынешним временам обвинение: юмор, причем, как правило, черный, сокрушительная ирония и непрерывный стёб — это ведь примета дня. И объяснение тому готово: человечество расстается с прошлым, смеясь. Смеяться — то мы смеемся, но не прощаясь. Увы,

Ее многочисленные ученики и сегодня преклоняют перед ней колени.

Верно заметил Иосиф Бродский: «Нас раздели и раздели и выставили на колоссальный экзистенциальный холод. И я думаю, что результатом этого не может быть ирония. Результатом должно быть взаимное сострадание». Какое там сострадание, какие гражданские скорби — одна веселая хула...

Но вернемся к нашему мемуаристу. Он поправляет себя — нет, у «Г.С. было, но весьма специфическое чувство юмора. Из исторических персонажей ее эпохи в наиболее ярко выраженной форме им обладал...» Как вы думаете, кто? «Иосиф Виссарионович!» «Это юмор кошки, играющей с мышкой». И ни слова в подтверждение этому, согласитесь, страшному сравнению! Главное — поставить рядом тирана и балерину, и корабль «Легенда по имени Уланова», по его мнению, дает первую пробынку.

А вот и вторая: Уланова, пишет автор, была «чрезвычайно косноязычна». Не слишком деликатное, скажем так, слово по отношению к женщине, отличавшейся повышенной деликатностью. Но, да, красноречием, а точнее сказать, красноречивым, не отличалась. И все же...

Вспоминаю сейчас, как впервые услышала Уланову. Было это в «Комсомолке», на каком-то юбилее, приплыли писатели, поэты, драматурги, люди, чья профессия — слово, блестяще выступила, а потом встала она, Уланова, и очень простыми словами рассказала какую-то очень простую историю. Но на следующий день в редакции все говорили только о ней, а не о признанных ораторах и красноречивых! На таком пределе искренности и неподдельного волнения она говорила.

В танце Улановой знатки балета отмечали ее необыкновенную способность возвышенное представлять простым, а красоту — естественной. То же можно сказать о ее речи. Она никогда не произносила высоких слов, не стремилась к категоричности формулировок,

органически не любила и не умела светские беседы. Но отчего же ее ученики — блестящая плеяда танцовщиков — в ней, в педагоге, отмечали умение не показывать на, а объяснять образ словами? «Со мной так никогда никто не разговаривал», — сказала мне шведская прима-балерина Анели Альхонко, с которой Галина Сергеевна готовила партию Жизели. — Она говорит о роли, как о живом человеке!..

Впрочем, что это я? Да будь Уланова трижды косноязычна, разве это может разрушить живущий в сердцах миллионов образ? Или, выражаясь по-симоновски, разрушить легенду? Она же балерина, а не провозвестник гласности, в конце-то концов. Искусство балета по определению — говорящее молчание, при чем тут цитируемые способности?!

Мемуарист приходит к выводу: Уланова — «Этакая фиалка с души леди Макбет». Злодейка, вдохновляющая на злодейство?!

Но автор упрям — не так прост, это-то он понимает и под речью Улановой, состоящую, по его мнению, из «бесемленного набора слов и междометий», снова подводит идеологическую базу. «Великая труженица Уланова могла бы усовершенствовать и свою речь. Учителей Г.С. могла себе выбрать для усовершенствования речи лучших — от Алексея Толстого до Пастернака. Но — не хотела. Почему? Г.С. выросла в Ленинграде во времена Большого Страха, когда нужно было либо вылезать словом блестяще, чтоб скрыть свои мысли, либо говорить невнятно, чтобы произнесенное тобой не было поставлено тебе в вину».

Патетический мемуар для гениев

И еще пассажа, уже не только о речи — о всем характере Улановой «выработанным» — по утверждению Симонова — от страха. «Если попытаться пояснить, что я пишу — пью в улановском феномене, через сравнение с каким-нибудь историческим персонажем, я бы выбрал «Орлеанскую деву». У той и другой «голоса», божий дар, предчувствие судьбы. Только Г.С. с юности помнила — это тайна, которую надо скрывать, потому что сожгут, как Жанну д'Арк».

Уланова мечтала о роли Жанны д'Арк и уже начала репетировать, но потом отказалась танцевать. Наотрез. Вот как она объяснила мне это в одном интервью: «Там была сцена, когда Жанна слышит голос свыше, голос Бога: «Ты должна спасти свою страну». И только после этого она ведет людей сражаться. А мне сказали, что это что-то религиозное, сцену заставили переделать так, что получилась про-... (заставка) какая-то...» Да если б Улановой руководил один лишь страх, она становилась бы так, как ей велели!

Да, Уланову не представлял мечущий громы и молнии на каком-нибудь митинге или на страницах своих мемуаров. Но ее и не втянешь, как это не раз пытались, в какую-нибудь очередную кампанию очередного прославления власти, мучилих или в очередную склоку, сотрясавшую не только Большой театр. Смею утверждать: она не только не была скванна на страхом — она сопротивлялась режиму. И дело не только в том, что не вступила в партию, как на этом ни настаивали, не поддалась вербовке КГБ, а и такие попытки были. Дело в том, что сам ее облик, чистый и непопуганный — на сцене и вне сцены, — проявлял фальшь и лживость режима. Точнее всего это, по моему, выразил Борис Пастернак в письме 1945 г.: «Сила, покорная действительности и верной себе чистоты... в ее угрожающей противоположности... лживой и трусливой, низкопоклонной придворной стихии, нынешних форм которой я не люблю до сумасшествия».

А. Симонов иронизирует над сказанным об Улановой — «гений скромности». Чтб доказать обратное, режиссер задумал «дверсию» — так он сам называет то, что «гений скромности» появляется в фильме примерно в пятидесяти разных платьях, плащах и мантиях. Какое-то совковое, я бы сказала, представление о скромности, напомнившее мне наши бывшие гневные филиппики против «вещизма». А что балерина мировой славы должна ходить в рубище? Увы, сожалел Симонов, диверсия не удалась — «ее буквально никто не заметил». Да потому что скромность Улановой была в другом — поразительно спокойным, чтоб не сказать равнодушным, отношении к славе. «Мало кто имеет такую славу, как она, но редко кто сопротивляется славе так, как она», — это сказал мне Бенгит Хетгер, президент Комиссии международного танца ЮНЕСКО, когда в 1984 г. в Стокгольме открывали монумент в честь Улановой — «как самой высокой высоте в искусстве».

Шелкали аппаратами фотокоры, жужжали кинокамеры, а я видела маленькую хрупкую женщину, которая старалась спрятать лицо в воротник шубки, заслонившись чей-то спиной. И ни разу не посмотрела на себя в бронзе. Спусти много лет, накануне праздника 850-летия Москвы, Уланову сделали почетным гражданином города. Искренне удивилась в телекамеру: «Я же не москвичка» — осталась верна своей малой родине, своему Петербургу. Но когда пригласили прийти на подъем флага праздника, поколебавшись, пошла: «Может, я кого обижу отказать, неудобно». А потом рассказывала по телефону: «Оказывается, флаг подни-

мали на маленькой такой площадке, а она на возвышении, — стоишь, как на гильотине». Это она-то, всходящая на возвышения мира столько раз!

А может, послушать Пастернака?

Как-то увидела у нее на столе подаренную ей книгу — любовную переписку молодости одной из наших старейших актрис. На фоне разнузданных мемуаров других актрис и неактрис, бесстыдно вываливающих миру то, что и близким не всегда скажешь, это была, на мой взгляд, сдержанная, умная книга. Но Галина Сергеевна сказала: «Не понимаю этой нынешней страсти к интимному». И лицо ее стало отчужденно-холодноватым, а взгляд «ленинградским», как однажды написала какая-то западная газета. Некоторые только такой и знают ее. В том числе и наш мемуарист, назвавший ее дом домом Снежной Королевы — а мы там все так обобрались...

Она тщательно оберегала свою личную жизнь. Сетую на это, А. Симонов вновь и вновь повторяет одно слово — «страх». Неужели ему незнакомо другое, ныне полузабытое слово — «целомудрие»? Но «застенчивых людей мало. Очень мало», — сказала «косноязычная» Галина Сергеевна в одном из последних интервью...

«Не люблю ничего преувеличенного», — есть у меня и такая запись в старом блокноте. Это было сказано о Ниагаре. Она очень любила наш скромный Селитер. «Тишина, озеро, байдарка, вдали поля, леса... Лучшее воспоминание моей жизни», — звучит сейчас ее голос на бережно хранимой мною пленке. Специалисты отмечают, что и танец ее вызывал представление не «о кручах и волнопадах», а был исполнен «тихой озерной лирики».

Вот о самом танце Улановой мемуарист почему-то пишет мало. Очень мало. Не ведь именно танец составляет суть феномена, или по-симоновски, «Легенды по имени Уланова»? Пишет мало, но на этот раз, по моему, точно: «Что-то такое было в улановском искусстве, что восприятие его становилось фактом биографии зрителя». «Говорят не о танце, не о виртуозности или одухотворенности балерины, говорят об озоге, ознобе, ошеломлении, восторге, слезах, — говорят о себе». Об этом, как признает режиссер, все звучащее в фильме «Мир Улановой» письма, которые шли и шли к ней до последнего дня ее жизни.

Но, оказывается, режиссер с этими письмами «боролся!» Они его «раздража-

В Стокгольме, на одной из площадей, воздвигнут монумент в честь великой русской балерины. А в России?..

ли» и были даже «ненавистны!» Он боролся с пафосом, столь характерным для времени балерины Улановой — сталинщины. Но какой, скажите мне, пафос в письме Пастернака, уже частично цитированном, которое начиналось словами: «Я со все время мокрым лицом смотрел Вас вчер...». Или в письме женщине, которая рассказывает о своей маме, что она мыла полы в доме, прежде чем посмотреть Уланову по телевизору? Неужто очинающие слезы и восторг — это просто пафос, к которому, как известно, самый распространённый этикет — «ложный», и нужно сегодня их стыдиться? Неужели говорить не о другом, о хорошем на экране, в романе, в газете — социализме, да и только, как это ныне проklamируется? Неужели такие понятия, как национальное достояние, над ко-

Пастернак писал ей: «Я со все время мокрым лицом смотрел Вас вчера...»

торым иронизирует А. Симонов, достойны сегодня отмены?

Но мемуарист сам проговаривается, что не истина его интересует. Называя фильм «Мир Улановой» своим поражением, он своим «лучшим фильмом» считает тот, утраченный, что сложил из кем-то снятой пленки — не видя ни разу свою героиню! Написаны книги о балерине, есть свидетельства великих и не великих о ней, живы ученики, а он, по собственному признанию, «собирает слитки и легенды» и, что еще хуже, — домисливает. Так и пишет — это мои «домысли». Не живой человек ему важен, а то, что с времен Некрасова и Тургенева зовут «тенденцией». Только со знаком наоборот. И вот окончательный и, я бы сказала, беспардонный вывод из этого беспардонного «мемуара»: Уланова — «Этакая фиалка с душой леди Макбет». Злодейка, вдохновляющая на злодейство? А это откуда? Да отсюда: Сталин-то злодей, что общепризнано, а время Улановой — сталинщина. Иными словами, все эти псевдоразоблачения продиктованы демократическими идеалами! Как тут не вспомнить одного из героев Довлатова, который любил повторять: «Демократию надо внедрять любыми способами. Вплоть до атомной бомбы». И вот этакая маленькая бомбочка сброшена на еще свежую могилу...

Но, оказывается, режиссер с этими письмами «боролся!» Они его «раздража-

В Стокгольме, на одной из площадей, воздвигнут монумент в честь великой русской балерины. А в России?..

Конечно, как сказал другой мемуарист, поэт Наум Коржавин, «целым из этой системы не вышел никто». Что и продемонстрировал нам блестяще наш мемуарист, представив чисто марксистскую схему, по которой человек — лишь плод среды, обстоятельств, времени. То самое — «бытие определяет сознание».

Грустно, признаться, писать все это... И невольно, вслед за мемуаристом, тревожить дорогую тень не хочется. И спорить с коллегой, которого считал единомышленником, тоже. Лучше бы потратить и перо, и пыл против тех, кому Сталин и в самом деле отец родной, а не против известного защитника гласности.

Но гласность — все же не домислы.

Как говорится, ты мне друг, а истина дороже.

Инна РУДЕНКО.
Фото Владимира БОГДАНОВА,
ИТАР — ТАСС и из архива «КП».

И ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО МНЕНИЙ

Уланова бывает раз в человеческой жизни, да и не во всякой жизни. Если земля рождает такое чудо даже раз в тысячу лет — спасибо ей за это».

Сергей ЭЙЗЕНШТЕЙН.

«Она — гений русского балета, его неуловимая душа, его вдохновенная поэзия. ...во всех созданиях Улановой вы чувствуете ее острый, пылкий, проникновенный ум...».

Сергей ПРОКОФЬЕВ.

«Уланова принадлежит не одному искусству, не одному балету. Она принадлежит сотням тысяч людей, разнородной и необозримой аудитории, видевшей ее на сцене и навсегда запомнившей. Именно поэтому, и покинув балетную сцену, Уланова остается с нами. Именно поэтому хочется снова и снова думать о ней и вновь переживать то высочайшее волнение, то наслаждение и радость, которые она дарит так щедро, так скромно, с такой великой любовью к людям».

Юрий ЗАВАДСКИЙ.

«Советская балерина Галина Уланова — символ затухания холодной войны. В ряду великих балерин Уланова, как это считают... является самой великой... Изящество, тонкость, красота движений — это трогает людей как на той, так и на другой половине разделенного мира».

И мир уже не так разделен, как это думали. Искусство Улановой — это один из факторов, содействовавших ослаблению международных опасений».

«ДЕЙЛИ ЭКСПРЕСС».

Лондон, 3 июня 1960 г.

«...Спусти годы, хочу сообщить Вам, что когда-то в госпитале, тяжелораненый, я выжил только потому, что стояли в памяти Ваши незабываемые образы...».

Ленинград Леонид ТОМАШЕВИЧ.
(Из письма бывшего фронтовика Галине Улановой).